

DOI: 10.33184/dokbsu-2020.2.12

Специфика диалогического повтора в коммуникативных тактиках косвенного неодобрения (в немецком и русском языках)

А. Л. Федорова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: anna_frgf@rambler.ru

В статье рассматривается функционирование диалогического повтора в рамках различных коммуникативных тактик косвенного неодобрения, определяется дискурсивно-прагматический потенциал диалогического повтора, характеризуются структурно-семантические особенности его употребления, типичные для речевой стратегии упрека в немецком и русском языках, а также детально описываются возможности взаимодействия повтора с другими вербальными и невербальными дискурсивными средствами в ходе реализации интенции упрека.

Ключевые слова: повтор, диалогический повтор, дискурсивный повтор, косвенное неодобрение, упрек.

В настоящей статье предпринимается попытка продемонстрировать структурно-семантические особенности употребления диалогического повтора, обнаруживаемые в ходе сравнительного анализа дискурсивных реализаций коммуникативных тактик косвенного неодобрения, наиболее типичных для речевой стратегии упрека в немецком и русском языках.

Вслед за Плотниковой А. В., диалогический повтор рассматривается в данном исследовании как речевая единица, выполняющая дискурсивно-структурирующую и регулятивную функции в дискурсе, т.е. повтор, с одной стороны, «обеспечивает организацию структуры дискурса и ориентацию собеседника в потоке речи», а с другой стороны, регулирует весь ход коммуникативного взаимодействия общающихся, отражая общую, стратегическую направленность на гармоничное, сбалансированное или, напротив, дисгармоничное, конфронтационное развитие речевой интеракции [2, с. 218]. Повтор в дискурсивно-структурирующей функции отвечает за связность и целостность диалогического единства. Регулятивная функция повтора предполагает возможность для говорящего не только высказать свое мнение, но и дать оценку, выразить эмоции относительно тех фактов, о которых он сообщает собеседнику. С точки зрения формальной

структуры, традиционно выделяют простые повторы (повторы-хезитации, эмоциональные повторы) и развернутые повторы (повторы-размышления, повторы-эмоциональные всплески) [1, с. 10]. С позиций стратегического подхода к коммуникации, несомненный интерес представляет функциональная классификация диалогических (дискурсивных) повторов, представленная в научной работе Плотниковой А. В. [3]. Исследователем выделяются 4 функциональных типа повтора: 1) повтор как средство осуществления коммуникативной поддержки собеседника, 2) повтор как показатель коммуникативных затруднений в общении, 3) повтор как средство речевой самоорганизации и 4) повтор-экспрессив [3, с. 75]. Устанавливая взаимосвязь между указанными функциональными типами повтора и реализуемыми с их помощью речевыми тактиками, автор намечает перспективный дискурсивно-прагматический вектор в изучении диалогического повтора.

В настоящей статье, на основе практического материала, собранного методом сплошной выборки из оригинальных текстов художественной литературы 20 в. и иллюстрирующего многообразные текстовые репрезентации речевой стратегии упрека в немецком и русском языках, а также с привлечением разработанной ранее таксономии коммуникативных тактик упрека в исследуемых языках (см. подробнее в [5, 6]), ставится задача детально рассмотреть функционирование диалогического повтора в рамках различных коммуникативных тактик косвенного неодобрения, определить его дискурсивно-прагматический потенциал и описать возможности взаимодействия повтора с другими вербальными и невербальными дискурсивными средствами в ходе реализации интенции упрека.

Стоит отметить, что диалогический повтор обладает чрезвычайно высокой частотностью в художественном дискурсе анализируемых языков и строится на основе полного или частичного повторения предшествующей фразы собеседника, выступающей своеобразной «зацепкой», или «точкой взрыва», для говорящего, переходящего к более открытому с точки зрения демонстрации своих намерений коммуникативному поведению. В этом отношении правомерно говорить об экспрессивной функции повторов в ходе реализации речевой стратегии упрека и отнести их к повторам-экспрессивам (в терминологии Плотниковой А. В.). В основе упрека лежит негативная этическая оценка, отражающая отношение говорящего к проступку собеседника. В данном случае, в отличие от иных видов оценки (эстетической, гедонистической, утилитарной, психологической и др.), говорящий исходит прежде всего из общих представлений о добре и зле, из тех установок, которые составляют ценностную картину мира. Однако, наряду с коллективными ценностями, обусловленными общечеловеческой и национальной культурой, картина мира включает в себя и индивидуальные ценности, поэтому, «по сути, образы компонентов ценностной картины мира искажены, прописаны только те контуры и свойства, которые значимы с точки зрения человека» [4, с. 393]. Таким образом, этическая оценка упрекающего, не взирая на его внутреннюю убежденность в

собственной правоте и объективности, – это в действительности лишь приближение к объективному суждению.

Субъективность этической оценки в коммуникативной ситуации упрека в полной мере проявляет себя в эмоциональном наполнении и в определенной речевой экспрессии, что наблюдается как в вербальных, так и в невербальных средствах выражения неодобрения. Доказательством может служить тот факт, что дискурсивными маркерами интенции говорящего выступают разнообразные частицы, междометия, нарушения синтаксической структуры предложения, эллиптические конструкции, повторы, интонационный рисунок фразы, смена ритма общения, паузы, эмфатическое ударение, невербальные средства, напр., взгляд, жест и пр. Кроме того, комплексный анализ коммуникативных тактик неодобрения в ходе реализации речевой стратегии упрека отчетливо показывает, что диалогический повтор как своеобразная коммуникативная тактика перефразирования зачастую используется в сочетании с другими тактиками и ходами. Продемонстрируем данные положения рядом примеров.

Пример 1. А. *Ты пьешь пиво?* – Б. *Я? Да вот что-то захотелось.* – А. *Больше тебе ничего не захотелось?* – Б. *Пока нет.* [8, с. 283] Оба вопроса упрекающего не несут значения запроса информации. Вопросительная форма уже служит маркером негативной оценки, что подтверждает и первая реакция собеседника, в которой желание выражено предельно мягко, с толикой извинения в виде слова *что-то*. Вопрос-повтор говорящего усилен экспрессивными средствами: помимо повтора *захотелось*, отрицательной формой сказуемого и интенсификатором негативной эмоции *больше ничего*.

Пример 2. – *Вот так и живу, так и маюсь я, тетенька Катя. Изгаляется он надо мною дни-то и ноченьки. Ушла бы я от него, утопилась бы, дак ведь пропадет, краснорожий, без меня (...)* Бабушка же, видя такое положение дяди Филиппа, сама урезонивала никак не унимающуюся тетку Дуню: *Ну уж так уж и ушла бы...* *Какие вы ноне проворные! Эку волю вам дали! Я вон век отвековала, но таких речей не только сказывать, а и думать не смела. «Ушла бы!» Пробросаешься, милая! Ноне мужик-то какой пошел? То-то, девонька. Твоему ить картуз-то такой не зря даден. На картузе золото, а под картузом золоте того. А ты – «ушла бы»...* [7, с. 125] Многократный повтор фразы *ушла бы*, словно сигнальный маячок, вновь и вновь напоминает о (возможном) событии, которое оценивает упрекающая: сначала в задумчивом, успокаивающем варианте с рядом частиц *ну уж так уж* и многоточием в письменном тексте, затем в простом, дословном, но восклицательном повторе с последующим предостережением от необдуманного поступка и, наконец, в немногословном *а ты* и снова с многоточием. Перифраза упрекающей героини перемежается коммуникативной тактикой КОНТРАСТНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (или «МЫ РАЗНЫЕ»), в которой сталкиваются прошлое и настоящее, два времени, два поколения. *Пробросаешься, милая!* демонстрирует характерную тактику УПРЕКА-ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ, в котором обращение *милая* подчеркивает доброжелательный настрой говорящего.

Пример 3. А. *Посмотри-ка, Михаил, – показала Люся, пружиня голос. – Б. Куда? – А. Вот сюда, сюда. – Б. Ну и что? – А. Как «ну и что»? Он же еще и спрашивает! Неужели ты не видишь, на каких простынях лежит у нас мама? Они же черные. Их, наверное, целый год не меняли. Разве можно больному и старому человеку, твоей матери, спать на таких простынях? Как тебе только не стыдно? – Б. Что ты меня стыдишь? <...> – А. Но посмотри-то ты мог? <...> Ведь ты здесь хозяин.* [9, с. 36–38] Повтор, обрамленный в экспрессивную форму вопроса, становится в данном примере отправной точкой для вынесения негативной оценки с использованием тактики УСОВЕЩИВАЮЩЕГО УПРЕКА (*Как не стыдно?*), усиленной типичными маркерами неодобрения в виде частиц *то, уж, ведь*, вопросительных и одновременно эмоционально-оценочных частиц *разве* и *неужели*, интенсификатора с временным значением *целый год* и значительного числа вопросительных предложений, не содержащих запроса информации, а выражающих сильные эмоции говорящего: недоумение, удивление, разочарование. Реакция слушающего *Что ты меня стыдишь?* косвенно подтверждает интенцию упрека со стороны говорящего.

Пример 4. А. *На уж, окаянная твоя душа! – И в руку мне, давно уже выжидательно опущенную, бабушка сует шершавенькие лампасейки. Рот мой переполнен томительной слюной, но я проглатываю ее и отталкиваю бабушкину руку. – Б. Не-е-е... А. – А чего ж тебе? Ремня? (...) Возьмешь конфеты или запру? Б. – Сама ешь! – А. Сама? – Бабушка немеет на время, видно, не находит слов. – Сама? Я т-те дам – сама! Я т-те покажу – сама!* [7, с. 69–70] Простой повтор слова *сама* в различных вариациях демонстрирует развитие коммуникативного события от первого осмысления неожиданной для говорящего ситуации (*не находит слов*) до характерной тактики КВАЗИ-УГРОЗЫ (псевдоугрозы) в типичной восклицательной форме *Я тебе дам / покажу*, в данном примере представленной разговорно-просторечным *т-те* вместо *тебе*. Героиня удивлена, недоумекает и, наконец, негодует по поводу поведения внука, все более экспрессивно выражая свои эмоции, но не намереваясь воплотить угрозы в жизнь.

Пример 5. *Я бился и кричал всю ночь. И бабушка уже не колотила меня, а, вконец напуганная, перепробовавши все свои лекарства, заплакала сама и напустилась на деда: – Спишь! Дрыхнешь, старый одер!.. – Да не сплю я, не сплю... Че делать-то? – Баню затопляй! – Среди ночи? – Среди ночи? Экий барин! Робенок-то!.. – И тут же бабушка закрылась руками. – Да что же это за напасть такая! Да за что же это сиротиночку мою ломат, как тонку тали-и-нку... [7, с. 166] Дискурсивными маркерами упрека в примере служат не столько дословно повторяемые слова собеседника, сколько невербальные формы выражения чувств упрекающей, на которые указывают пометы автора текста: *заплакала* и *закрылась руками*. Негативная оценка поведения деда получает дополнительную поддержку в виде тактики КОНТРАСТНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ деда и болеющего внука: *Экий барин! Робенок-то!..* Восклицание *Спишь!*, сигнализирующее об отрицательном отношении говорящего к ситуации и дающее дальнейшее развитие стратегии*

упрека, манифестирует один из характерных ходов тактики НЕОПРАВДАНЫХ ОЖИДАНИЙ.

Пример 6. А. *Werden Sie erst mal wieder ein Mensch!!!* – В. *Ein Mensch? Ich soll erst mal wieder ein Mensch werden? Ich soll ein Mensch werden? Ja, was seid ihr denn? Menschen? Menschen? Wie? Was? Ja? Seid ihr Menschen? Ja!?!?* [10, с. 27] На сравнительно небольшом текстовом пространстве говорящий многократно повторяет часть фразы собеседника, поэтапно сокращая ее до одного единственного, но наиболее значимого слова *Mensch*. Коммуникант словно раскручивает маховик эмоций, перефразируя побудительное предложение в вопросы без ответа. Прямой порядок слов в ряде вопросов указывает на переспрос информации и одновременно эмоциональное неприятие слов собеседника, недоумение относительно услышанного. Односложные вопросы, состоящие лишь из вопросительного слова *Wie? Was?*, свидетельствуют об эмоциональном накале общения. Конфронтация и нежелание следовать совету собеседника проступают в тактике КОНТРАСТНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ *я – вы*. Кульминацией экспрессивно-оценочного высказывания говорящего можно считать лаконичное *Ja!?!?*, сопровождаемое в письменном тексте восклицательным и вопросительными знаками и выражающее всю бурю чувств, переживаемых героем.

Пример 7. А. *Sogar die Trompete laß ich ihm. Wie sie aussieht. Blind, verbeult, keine rechte Pflege. Was sagen Sie dazu, bester Graf. Geht man so mit einem kostbaren Instrument um?* – В. *Sie hätten es besser verstecken sollen.* – А. *Verstecken sollen, hat man das gehört, Ratschläge, er, er mir, er, der Geheimnisvolle, der Vergeßliche!* [11, с. 197–198] Простой повтор слов собеседника сопровождается тактикой КОНТРАСТНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ общающихся друг другу *er mir*, что усиливается оценочными обозначениями *der Geheimnisvolle* и, в особенности, *der Vergeßliche*, использование которых выполняет иллюкутивную функцию намека на неправомочность одного из собеседников давать другому советы. Эллиптические формы и повторы *er, er mir, er* характеризуют состояние говорящего как крайне эмоциональное. Коммуникативный ход обращения к явным или воображаемым слушателям / наблюдателям традиционно реализуется во фразах, подобных *hat man das gehört*, ср., напр., русс. *вы это слышали / видели*, и получает свое продолжение в точной номинации того речевого действия собеседника (здесь – *Ratschläge*), которое вызвало негативную эмоцию. В устной речи дополнительным маркером служит эмоциональная интонация фразы, в письменной речи – (не всегда) авторские пометы. В данном примере верная интерпретация интенции говорящего возможна при условии учета всех языковых средств и широкого контекста.

Пример 8. А. *Vorzüglich! Genau die Hälfte.* (*schiebt den mehr als halbgeessenen Kosakenzipfel zu B.*) – В. (*leicht indigniert*) *Na ja ... genau die Hälfte...?* – А. (*heiter*) *Also abgewogen habe ich es nicht! (Alle lachen, außer B.)* – В. *Die Hälfte war ausgemacht!* – А. *Willst du damit sagen, daß ich dich übervorteilt habe...* – В. *Nein nein...* – А. *Es klang aber so! (...)* – В. *Du*

kannst ja gar nicht *beurteilen*, wie dick die Hälfte war, die nicht mehr da ist! – A. Aber ich kann beurteilen, wie dick die Hälfte ist, die noch *da* ist... – B. Offensichtlich kannst du das eben *nicht*! [12, с. 44–45] Важную роль в примере играют авторские пометы, заключенные в скобки, – именно они описывают эмоциональное состояние общающихся и подчеркивают намечающееся противоречие. Кроме того, диалогический повтор снабжен письменным маркером в виде выделения курсивом наиболее значимых в смысловом отношении слов. Курсив выступает также сигналом особого фразового ударения. Так, например, в повторе *die Hälfte* с ударением произносится артикль, служебная часть речи, как правило, неударная в тексте. В другом предложении идентичный по форме повтор *die Hälfte* иначе обозначен на письме и иным образом произносится в речи героев, так как наиболее значимым по смыслу становится имя существительное. Особое интонирование слов упрекающего (отмеченное курсивом в авторском тексте) в купе с эмоционально-оценочными маркерами удивления, разочарования, сомнения в словах и действиях собеседника в форме *na ja* в вопросе *Na ja ... genau die Hälfte...?* и во фразе-напоминании *Die Hälfte war ausgemacht!* усиливает иллокутивный потенциал диалогического повтора и позволяет говорящему косвенно реализовать глобальную интенцию неодобрения. Подтверждением успешной интерпретации слов упрекающего служат ответные реплики-реакции. В дальнейшем стратегия упрека получает развитие в виде характерной тактики косвенного неодобрения «ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ», подкрепленной эмоционально-оценочными частицами *ja gar*, вводным словом *offensichtlich* и маркированным экспрессивно нагруженным фразовым ударением (выделено курсивом в авторском тексте): *Du kannst ja gar nicht beurteilen ...* и *Offensichtlich kannst du das eben nicht!*

Пример 9. A. *Seien wir also nachsichtig, wenn die eine oder andere Aufnahme unscharf, womöglich verwackelt geraten sollte.* – B. *Was muß ich hören? Die Landella verwackelt?* – A. *Schließlich versprechen wir uns Dokumente und keine Kunstfotos.* – B. *Unschärfe sollte ich erlauben, Zufälligkeiten?* – A. *Wir sollten zufrieden sein, wenn die Farbe kommt.* [11, с. 100] Повторы предваряет эмоционально-оценочный вопрос *Was muß ich hören?*, который является реакцией на рекомендательное побуждение к определенному поведению, высказанное собеседником, и сигнализирует об удивлении говорящего и его неприятии подобного совета, ср. русск. *что я слышу?* Вопрос с неправильным порядком слов, а также с модальным глаголом в форме сослагательного наклонения *sollte* и диалогическим повтором *unschärfe* очерчивает позицию говорящего относительно невозможности и недопустимости таких советов и подчеркивает эмоциональное восприятие коммуникативной ситуации героиней. Оценочная номинация *Zufälligkeiten* усиливает прагматический эффект.

Таким образом, любая речевая стратегия предполагает определенный набор тактик, выбор из числа которых осуществляется говорящим на основании его представлений о коммуникативной ситуации в целом и о партнере по речевому взаимодействию в частности. В ситуации косвенного неодобрения, а точнее в речевой стратегии упрека, совершенно четко прослеживается тенденция к комплексному использованию упре-

кающим разноплановых коммуникативных тактик и ходов, среди которых заметное место занимает тактика перефразирования, строящаяся на основе диалогического (дискурсивного) повтора. Специфика диалогического повтора усматривается в возможности его использования не только как отдельного, самостоятельного коммуникативного хода, но и как связующего элемента, цементирующего все многообразие интеллектуальных и эмоциональных усилий коммуникантов в ходе кодирования и декодирования (интерпретации) смыслов в процессе реализации речевой стратегии упрека. Учитывая особый, субъективно окрашенный статус этической оценки в ситуации косвенного неодобрения, можно предположить, что именно эмоционально-чувственная, экспрессивная составляющая такого речевого взаимодействия определяет многообразие языковых средств и речевых приемов в отдельном коммуникативном событии.

Литература

1. Жирова И. Г. Композиционно-структурные особенности реплик-повторов в английском диалогическом комплексе // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. №2 (26). С. 7–17.
2. Плотникова А. В. Дискурсивная и регулятивная роль диалогического повтора // Язык. Текст. Дискурс. 2006. №4. С. 217–222.
3. Плотникова А. В. Дискурсивный диалогический повтор как средство реализации коммуникативных тактик слушающего // Язык. Текст. Дискурс. 2005. №3. С. 73–80.
4. Самигуллина А. С., Дмитриева Д. Ю. Опыт параметризации оценочного значения // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Вып. II. / отв. ред. В. П. Захаров. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 390–395.
5. Федорова А. Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 187 с.
6. Федорова А. Л. Косвенное выражение неодобрения в свете теории речевых актов // Доклады Башкирского университета, 2017. Т. 2. №5. С. 826–830.
7. Астафьев В. П. Где-то гремит война. Повести и рассказы. М.: Современник, 1975. 624 с.
8. Вампилов А. В. Я с вами, люди: Рассказы, очерки, статьи, фельетоны и др. М.: Сов. Россия, 1988. 448 с.
9. Распутин В. Г. Последний срок; Прощание с Матерой; Пожар; Повести. М.: Сов. Россия, 1986. 384 с.
10. Borchert W. „Draußen vor der Tür“ und ausgewählte Erzählungen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1999. 215 S.
11. Grass G. Werkausgabe. Bd. 2. Theaterspiele. Göttingen: Steidl Verlag, 1997. 496 S.
12. Lorient's dramatische Werke. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1981. 318 S.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета (д-р. филол. наук, проф. Р. Г. Гатауллин)

The peculiarities of dialogic reiteration within the indirect speech act of reproach (in German and in Russian)

A. L. Fedorova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: anna_frgf@rambler.ru

The given article is devoted to the indirect speech act of reproach and deals with the structural, semantic and pragmatic peculiarities of dialogic/discourse reiteration within the communicative tactics of indirect disapproval in German and Russian literary texts. The linguistic analysis is based on the strategic approach to the communication and includes transmitting the speaker's intention of reproach/indirect disapproval through verbal and nonverbal means. Special attention is given to discourse markers such as particles, interjections, elliptical structures, syntax violation etc.

Keywords: reiteration, dialogic reiteration, discourse reiteration, indirect disapproval, reproach.